

Олег Черенин

ОЧЕРКИ АГЕНТУРНОЙ БОРЬБЫ

Кёнигсберг, Данциг, Берлин,
Варшава, Париж 1920-1930-е годы

Олег Черенин

**Очерки агентурной борьбы:
Кёнигсберг, Данциг, Берлин,
Варшава, Париж. 1920–1930-е годы**

«ЖИВЕМ»

2014

УДК 351.746.1(100)

ББК 67.401.132-1(0)

Черенин О. В.

Очерки агентурной борьбы: Кёнигсберг, Данциг, Берлин, Варшава, Париж. 1920–1930-е годы / О. В. Черенин — «ЖИВЕМ», 2014

На основании профессиональных биографий малоизвестных сотрудников польской и германской разведок в книге делается попытка связного изложения отдельных эпизодов их агентурного противоборства в 1920–1930-е годы. Впервые русскоязычный читатель ознакомится с ходом и последствиями крупнейших операций германских, польских и советских спецслужб в Кёнигсберге, Данциге, Берлине, Гааге, станет свидетелем драматических судеб таких «асов разведки», как майор Ян Жихонь, капитан 2-го ранга Рихард Протце, капитан Незбжицкий, погрузится в таинственную и жестокую атмосферу международного шпионажа довоенной Европы. Особый интерес для российского читателя будет представлять история противоборства польской и советской разведок, связанная с такими именами, как генерал Жимерский (Роль), подполковник Лепяж, майор Демковский, Тадеуш Кобылянский и многих других.

УДК 351.746.1(100)

ББК 67.401.132-1(0)

© Черенин О. В., 2014

© ЖИВЕМ, 2014

Содержание

Предисловие	6
Вводная часть	9
Тайны майора Жихоня	20
Что такое «двуйка»	20
Начало	26
«Дело Нейхёфен» как прелюдия к «инциденту в Венло»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Олег Черенин
Очерки агентурной борьбы:
Кёнигсберг, Данциг, Берлин,
Варшава, Париж. 1920–1930-е годы

© Черенин О. В., 2014

© ООО «Живем», 2014

* * *

*Посвящается другу Александру Наговицьцу, павшему
при выполнении воинского долга*

Предисловие

В 1920–1930-е годы разведывательные аппараты основных европейских государств были крайне малочисленными в сравнении с разросшимися в военные и послевоенные годы их преемниками. Так, например, в основном органе внешней разведки СССР – Иностранном отделе ОГПУ по штатному расписанию 1933 года числилось 110 человек, причем численность агентурных работников, находящихся за рубежом, была чуть больше половины¹.

В военной разведке ситуация была примерно аналогична.

Их противники в Германии могли противопоставить несколько десятков профессиональных разведчиков, основные усилия которых были равным образом распределены на Западе (Франция, Великобритания) и Востоке (Польша, страны Прибалтики и СССР). Но качественные характеристики спецслужбы никогда не определялись численностью ее штатов. Они определялись профессионализмом сотрудников и, соответственно, агентурного аппарата, состоящего у них на связи.

Так, военная разведка Веймарской республики, а позже нацистской Германии, за счет использования своей зарубежной агентуры, надо признать, добилась впечатляющих успехов в освещении военного и экономического потенциала своих противников. Ее достоянием стали внешнеполитические и военные планы ведущих европейских держав и США в критические периоды истории: ремилитаризации Эльзаса, аншлюса Австрии, Мюнхенских соглашений и т. д. Вклад Абвера в осуществление внешнеполитических и военных планов Гитлера был значительным, тем более что его кадровый состав вплоть до 1936–1937 годов всегда отличался малочисленностью.

Активная контрразведывательная деятельность ведущих мировых спецслужб способствовала тому, что кадровый состав и частично агентура противника были во многом известны. Например, для профессионалов разведки СССР и Германии никогда не было тайной, что так называемые легальные резидентуры английской разведки традиционно скрывались под прикрытием консульских отделов дипломатических представительств Великобритании за рубежом. Хрестоматийной является творчески спланированная и несколько авантюрно реализованная операция контрразведки Абвера по разгрому английских агентурных сетей, замыкавшихся в своей работе на консульство Великобритании в Гааге.

На практике перечисленные обстоятельства приводили к тому, что сотрудники многих спецслужб знали своих противников, что называется, «в лицо». В этом нам не раз придется убедиться по мере обращения к истории конкретных агентурных операций и их участникам – героям нашей книжки. Это нужно учитывать при обращении к событиям, имеющим отношение к описываемым эпизодам агентурной борьбы.

Обращаясь к заявленной теме, мы ставили перед собой прозаические задачи. Во-первых, ознакомить русскоязычного читателя с деятельностью некоторых неизвестных или малоизвестных сотрудников зарубежных спецслужб, имена которых вошли в историю международного шпионажа как исключительно эффективных профессионалов. Во-вторых, продемонстрировать читателю на конкретных примерах, что на основе имеющейся источниковой базы на сегодняшний день однозначные толкования исследуемых в области специальной деятельности сюжетов просто невозможны.

При выборе героев повествования автор руководствовался личными пристрастиями, обусловленными интересом к персонам незаурядных профессионалов разведки: майора Жихоня, капитана Незбжицкого, капитана 2-го ранга Протце. Их жизнь и практическая деятельность позволит нам «окунуться» в мир довоенного шпионажа как явления, оказавшего

¹ Коллакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. С.-Пб: Нева, М.: Олма-пресс, 2001. С. 20.

большое влияние на развитие межгосударственных отношений Польши, Германии и СССР. Находясь в эпицентре политических событий того времени, они прямо или косвенно воздействовали на характер решений, принимаемых руководством спецслужб и правительствами своих стран.

Кроме того, их примеры позволяют расширить наши знания и представления об основных направлениях специальной деятельности разведок Польши, Германии и Советского Союза накануне Второй мировой войны, описать, насколько это возможно, ход и последствия важнейших разведывательных операций, инициаторами и участниками которых, в силу занимаемого служебного положения, были наши герои. Этим объясняется также желание автора не ограничиваться написанием простых биографических очерков, а на их основе представить связную картину агентурного противоборства в довоенной Европе.

Немаловажным мотивом обращения к биографиям Жихоня и Незбжицкого было также наличие и доступность источников. Так получилось, что, в силу определенных обстоятельств, вызванных сохранностью архивных фондов довоенных польских спецслужб, польская историография внесла значительный вклад в изучение их истории и их отдельных представителей.

Как правило, работы польских историков хорошо фундированы, содержат значительные по объему сведения по конкретным операциям и отдельным эпизодам агентурного противоборства. Значительная их часть, имея прямое отношение к работе польской разведки против Советского Союза, расширяет наши представления о характере противостояния разведок и контрразведок Польши и СССР.

Обращение к биографии Незбжицкого как одного из организаторов работы 2-го отдела Главного штаба Войска Польского на советском направлении вызвано тем, что в российской историографии относительно мало внимания уделено истории противоборства польских и советских спецслужб. И это несмотря на то, что в межвоенное двадцатилетие два соседних государства постоянно находились в состоянии «холодной войны», а противоборство их разведок и контрразведок по степени накала и понесенным потерям не имело аналогов во всей предвоенной Европе.

Советская внешняя (ИНО ОГПУ, ГУГБ НКВД) и военная (Разведывательное управление) разведки все межвоенное двадцатилетие рассматривали Польшу как одного из потенциальных противников, вооруженный конфликт с которым мог вспыхнуть в любой момент. Соответственно, на разведывательное изучение будущего противника были брошены серьезные силы и средства. Поэтому нам кажется несправедливым, что такому важному направлению специальной деятельности исследователями не уделено должного внимания².

Разведка по причине своей специфики и последствиям крайне персонифицирована. Каждый успех или поражение имеет, по большому счету, свое имя. Иногда они становятся достоянием общественности, но чаще всего надолго, если не навсегда, сведения об этих успехах и поражениях будут «похоронены» за крепкими дверями ведомственных архивов. Этим также вызвано обращение автора к названным персонам, так как, в силу сложившихся обстоятельств, источники, отражающие их профессиональную деятельность, за рубежом уже прочно вошли в научный оборот, но, к сожалению, малоизвестны или вовсе не известны русскоязычному читателю.

Так получилось, что зарубежная историография довоенных разведок, включая советскую, обогащенная поистине огромным массивом документальных свидетельств и авторских работ, по их вводу в научный оборот оставила далеко позади себя российскую историографию предмета. Складывается парадоксальная ситуация, когда за рубежом, в рамках нацио-

² В связи с неоднократными изменениями в наименовании органов советской военной разведки в 1920–1930-е годы, мы будем пользоваться наиболее часто употребляемым – Разведывательное управление Штаба РККА (Разведупр).

нальных историографий, история советской разведки подчас изучена лучше и качественнее, чем в самой России.

В этой связи трудно не согласиться с выводами участников научной конференции по истории отечественных органов безопасности о необходимости количественного и качественного пополнения источниковой базы предмета³.

А пока же при описании отдельных сюжетов агентурного противоборства в довоенной Европе без версий и гипотез никак не обойтись.

Любую гипотезу, относящуюся к тематике деятельности и истории спецслужб, можно и нужно рассматривать, какой бы невероятной она ни казалась на первый взгляд. Но только непременным условием такого анализа должно быть наличие хоть каких-нибудь документальных свидетельств, доказывающих или опровергающих исследуемую версию. Пусть они напрямую не относятся к предмету исследования, пусть фрагментарны, но они должны как минимум дать возможность исследователю точно сформулировать вопросы, касающиеся существа проблемы. Ведь, как известно, правильно поставленный вопрос – половина ответа.

При описании эпизодов тайной войны в предвоенной Европе мы не ставили перед собой задачу дать ответы на такие вопросы, относящиеся к исследуемым сюжетам. При существующей источниковой базе, несмотря на большой объем свидетельств, сегодня это вряд ли возможно.

Поэтому сразу хочется предупредить читателя, что при описании некоторых разведывательных операций мы будем вынуждены ступать на «зыбкую» почву догадок и предположений, обусловленных самим характером специальной деятельности в целом и недостатком достоверных источников, которые могли бы пролить свет на некоторые тайные страницы истории.

В ней будут участвовать многие знаковые фигуры международного шпионажа тех лет, судьбы которых причудливым образом переплелись на поприще тайной войны и которые прямо или косвенно повлияли на исход многих эпизодов агентурного противоборства между спецслужбами европейских стран, включая СССР.

Автор благодарит профессора Российского государственного университета им. И. Канта Ю. В. Костяшова за содержательные рекомендации и информационную помощь.

³ Материалы конференции (круглого стола) «Современная историография и источниковедение истории отечественных органов госбезопасности. Тенденции развития» / Труды Общества изучения отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2007. Т. 3.

Вводная часть

В научно-популярной литературе и публицистике, посвященной истории специальных служб, давно уже прижились такие понятия и образные выражения, как «крот» и «троянские кони», отражающие использование в разведывательной и контрразведывательной деятельности спецслужб института агентов-двойников как одного из самых эффективных средств борьбы со своими противниками. На образном русском языке, понятном всем кинолюбителям, аналогом этих понятий является уже плотно вошедшее в обиход выражение – «засланный казачок». Когда оно произносится, всем вспоминаются незабываемые образы героев советского кинематографа, запечатленные в трилогии о неуловимых мстителях, и образ самого «засланного казачка» – Даньки.

Официальный же язык практиков от спецслужб, то есть язык, на котором в документальном виде отражаются ход и результаты проводимой ими работы, далек от такой образности и оперирует более конкретными понятиями, такими как «агент-наводчик», «агент-вербовщик», «агент внедрения», «разработка» и т. д.

В многочисленных публикациях на тему деятельности спецслужб бросается в глаза не всегда оправданное употребление авторами отдельных понятий и специфических терминов, обусловленное подчас уже сформированными в общественном сознании стереотипами и уводящее читателя в сторону от существа исследуемых вопросов. Как риторический прием (автор этих строк сам им пользуется, не стараясь, впрочем, «злоупотреблять») такое употребление вполне уместно, но не совсем уместно, если вкладываемый в такие понятия смысл имеет мало общего с реальной практикой специальной деятельности.

Для пояснения сказанного приведем самый простой пример. Понятие «разведка» во многих публикациях имеет в большинстве случаев расширительное толкование, особенно в уже ставших «притчей во языцех» формулировках типа «разведка доложила точно» или, возьмем «смягченное» выражение, – «разведка установила» и т. д.

Так и представляется огромное здание где-нибудь на Тирпицуфер или Лубянской площади, где в тиши кабинетов трудятся многочисленные аналитики и направленные, во всех подробностях и деталях осведомленные о проводимых по всему миру важных разведывательных операциях, результаты которых их коллективными усилиями через некоторое время будут доложены первому лицу государства. На самом деле число участников и самих операций и лиц, имеющих отношение к полученной информации в штаб-квартире разведки, всегда было небольшим.

Попробуем приблизительно подсчитать их число на примере стандартной агентурной операции так называемой «легальной» резидентуры, действующей, например, под дипломатическим прикрытием в описываемый нами период. Отдельно оговорим, что содержание агентурной информации, равно как и данные на ее источник, будет доступно еще меньшему кругу лиц. Также укажем, что в данном примере речь идет о конечном ее «продукте», своеобразной квинтэссенции всех проводимых агентурных и аналитических мероприятий – итоговом документе за подписью начальника разведслужбы, направляемом в высшие государственные инстанции. При этом в расчет не берем копии такого документа, передаваемые в другие заинтересованные службы и взаимодействующие органы.

Итак, агент – источник информации, кадровый сотрудник разведки, у которого этот агент находится на связи, заместитель (помощник) резидента по направлению работы (если резидентура многочисленна), сам резидент и шифровальщик, производящий первичную обработку (зашифровывание) информации. Без первоисточника всего получается максимум четыре человека, осведомленных во всех деталях о существовании операции в самой зарубежной резидентуре. Курьеры, связисты в данном случае в расчет не берутся, так как в их руки попадает уже обра-

ботанная для направления в Центр (запечатанная в дипломатические вализы или зашифрованная) информация.

Получателем дипломатической почты либо радио– (телеграфного) сообщения в центральном аппарате разведки является так называемый «направленец», то есть сотрудник центрального аппарата, отвечающий либо за конкретную страну и расположенные в ней резидентуры, либо за линию работы. В его обязанности входит вся техническая организационная работа Центра по руководству зарубежными разведывательными аппаратами в стране их пребывания. Для направления в руководящие инстанции он готовит итоговые документы в виде различного рода сопроводительных записок к оригиналам агентурных материалов, сводки, делает «редакторскую правку» агентурных сообщений и т. д. В обратном направлении он направляет санкционированные его руководством директивные указания по работе с агентом, высылает оценки ранее полученным информационным сообщениям, дает советы и, если необходимо, вносит коррективы в ход операции и т. д.

Первой такой руководящей инстанцией является начальник отдела (сектора), отвечающий за организацию деятельности в разведываемой стране (группе стран), который и докладывает итоговые документы либо заместителю начальника разведки, либо ему самому. Вот и получается, что число лиц, причастных к конкретной разведывательной операции, конечным итогом определенного этапа которой является доложенный в инстанции документ, не превышает десяти человек. Поэтому, когда мы пользуемся выражением типа «разведка доложила», мы должны отдавать себе отчет, что речь идет не о всем ее аппарате, а об относительно небольшой группе ее сотрудников.

Разумеется, когда начальник разведывательной службы докладывает или направляет руководству страны обобщенные документы по важным военным, военно-политическим, политическим и другим проблемам, число участников, задействованных в перечисленных мероприятиях, заметно возрастает, как возрастает и степень противоречивости содержащихся в таких материалах сведений.

Это вполне объяснимая ситуация, обусловленная множеством субъективных и объективных факторов, в обиходе выраженная поговоркой «сколько людей, столько мнений». В нашем случае мнения людей – это «мнения» добывающих сотрудников и аналитических служб разведки, основанные на той части информации, которая им стала доступна в ходе выполнения служебных обязанностей.

В этой связи второй пример демонстрирует, насколько высока степень ответственности любого должностного лица, имеющего отношение к подготовке столь важной информации.

Всем исследователям истории советских спецслужб известен доклад начальника советской военной разведки генерал-лейтенанта Голикова «Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР» от 20 марта 1941 года. Нам не известно, в какой степени сам Голиков приложил руку к составлению этого доклада, но автором, скорее всего, он не является.

Напомним вкратце содержание этого важного документа, который до сих пор еще неоднозначно оценивается исследователями. Мы тоже возьмем на себя смелость прокомментировать некоторые положения доклада, имея целью не критический анализ всего столь важного для понимания мотивации действий Сталина накануне войны документа, с точки зрения объективности содержащихся в нем сведений, а всего лишь попытку с формальной точки зрения оценить его структуру и методику составления. Этот небольшой пример также даст нам возможность еще раз обратить внимание на необходимость критического осмысления документов советской разведки, введенных в научный оборот в последнее двадцатилетие.

В преамбуле доклада Голиков пишет, что *«большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить*

отношения между СССР и Германией. **Вместе с тем**, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач – осуществление заветных планов Гитлера, так полно и “красочно” изложенных в его книге “Моя борьба”, краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 – март 1941 года заслуживают в некоторой своей части серьезного внимания»⁴.

В сфере функционирования государственных институтов, где средством управленческой деятельности является документ, призванный письменно зафиксировать решение компетентной инстанции, существуют определенные универсальные «правила» подготовки такого рода информационных материалов. По содержанию в упрощенном виде эти правила сводятся к ясности и объективности излагаемых в нем данных. По форме же эти правила выглядят следующим образом. Во вступлении (преамбуле) излагается положение (тезис), требующее доказывания. Далее перечисляются все данные по существу излагаемой проблемы, имея целью «доказывание» или подтверждение исходного тезиса. И последней, завершающей частью документа является его выводная часть, подводящая своеобразный итог всему вышеизложенному. С точки зрения следования этим «правилам», более противоречивого документа советской разведки, доложенного Сталину, трудно отыскать.

В изложенной Голиковым преамбуле доклада ключевыми словами и выражениями (требующими доказывания) являются:

- «большинство агентурных данных»;
- «исходит из англо-американских источников»;
- «стремление ухудшить отношения между СССР и Германией»;
- «заслуживают в некоторой своей части серьезного внимания».

Если следовать перечисленным выше правилам, то во второй части документа в идеале должны содержаться данные на эти самые «англо-американские источники» с изложением сведений, подтверждающих их стремление «ухудшить отношения между СССР и Германией». Но мы видим обратное. Из шестнадцати нижеследующих пунктов, содержащих конкретные данные на источники и характер информации, только два из них (п. 5, 10), и то с большой натяжкой, можно отнести к «англо-американским источникам».

В пятом пункте речь идет о том, что посол США в Румынии в своем докладе в Вашингтон ссылается на разговор между Джигуржу и Герингом, в котором последний говорит, что, в случае неуспеха Германии в войне с Англией, она будет вынуждена напасть на СССР.

В десятом же пункте, со ссылкой на неназванных английских и французских журналистов, говорится о переговорах между Германией и Великобританией, якобы состоявшихся в Стокгольме, где английскую сторону представлял Ллойд Джордж.

Все остальные четырнадцать пунктов фиксируют информацию, исходящую из каких угодно германских, турецких, румынских, югославских, но только не «англо-американских» источников.

Еще большую оправданность утверждению о расхождении между «тезисом» и «доказательством» вызывают слова Голикова о том, что «американские, английские и **другие** источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз». Еще раз обратим внимание на то, что о «других источниках» в основной части доклада, собственно, и идет речь.

В советском и российском чиновничьем обиходе всегда была хитрая формулировка в виде устоявшегося словосочетания – «вместе с тем». Ее употребление зависит от многих обстоятельств, вызываемых формой, содержанием самого документа, а также целью, задачами, стоящими перед его автором.

⁴ Военная разведка информирует / Документы Разведуправления Красной Армии: январь 1939 – июнь 1941 г. М.: Фонд «Демократия», 2008. С. 568.

Эта формулировка является своеобразной границей между, условно говоря, «позитивной» и «негативной» частями документа, причем их содержание и соотношение могут меняться. Например, в стандартной комсомольской характеристике, выдаваемой комсомольцу для поступления в ВУЗ, после перечисления всех его заслуг и других объективных данных обязательно следовало указать и некие «негативные» моменты в его поведении или характере. Без этого пресловутого «вместе с тем» считалось, что характеристика отличается необъективностью и своеобразной ангажированностью.

Одним из самых показательных примеров на этот счет являются воспоминания одного советского разведчика, когда при составлении характеристики перед окончанием разведывательной школы куратор учебной группы, не найдя никакого «негатива» в характере и поведении выпускника, вспомнил, что один раз он опоздал на утреннюю физзарядку. Вот в характеристике после слов «вместе с тем» и появилось выражение, что имярек следует больше внимания уделять занятиям спортом. При составлении очередных служебных характеристик эта фраза и «кочевала» из года в год, вплоть до увольнения награжденного многими государственными наградами за успешную работу за рубежом ветерана разведки.

Или другой пример. Представим, что составляется документ по результатам какой-либо проверки вышестоящими инстанциями и нужно «утопить» проверяемого начальника. При таком раскладе «основная» (объективная) часть документа в «куцем», усеченном виде фиксирует его, условно говоря, достижения, а разделенная формулой «вместе с тем» другая часть с многочисленными подробностями описывает все его «грехи».

В нашем же случае Голиков, используя формулу «вместе с тем», решал лично для себя сложнейшую задачу соблюдения равновесия между объективностью излагаемых разведывательных данных и стремлением не вызвать неудовольствие или – хуже всего – гнев Сталина на содержание доклада. В русском языке на этот счет есть немало поговорок, применительно к Голикову гласящих, что он хотел, чтобы «и волки были сыты, и овцы целы», или другое, более жесткое выражение – «влезть на елку, и ... не поцарапать».

Особый интерес представляют исходные, первичные, информационные материалы, на основании которых и составлялся доклад Голикова. Здесь мы и встречаем серьезные противоречия, вызванные неизвестно какими обстоятельствами. На этот счет мы можем только строить догадки.

Например, в 15-м пункте доклада читаем: *«Руководитель восточного отдела министерства иностранных дел Шлиппе сказал, что посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещением Бека. Единомыслия достигнуто не было ни в вопросе о Финляндии, ни о Болгарии. Подготовка наступления против СССР началась значительно ранее визита Молотова, но одно время оно было приостановлено, так как немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на Востоке».*

Эта часть пункта основана на агентурном сообщении «Альты» (Ильзы Штебе), направленном в Москву резидентом Разведывательного управления «Метеором» (Н. Д. Скорняковым) 4 января 1941 года⁵.

При сравнении этого агентурного сообщения «Альты» с 15-м пунктом доклада сразу бросается в глаза, что важнейшая часть сообщения в доклад попросту не попала. А там сказано, что «*“Альта” запросила у “Арийца” подтверждения правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 г. “Ариец” подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причем это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам*».

⁵ Там же. С. 527.

А ниже приводятся дополнительные доводы в подтверждение первичной информации «Арийца» и процитированные в пункте 15-м доклада.

Таким образом, получается, что проблема заключается в правильной расстановке акцентов. Немного пофантазируем на этот счет. Представим себе, что автор доклада, формулируя пункт 15-й, написал бы примерно следующее: «От немецкого источника поступило подтверждение ранее полученной им информации, исходящей из информированных военных кругов, о подготовке на основании секретного приказа Гитлера наступления Германии на СССР весной 1941 года». А дальше – оставшаяся часть 15-го пункта. Читатель, наверное, согласится, что в таком виде акценты были бы правильно расставлены и по форме документа, и по существу информации.

То же самое можно сказать о самой преамбуле доклада Голикова. Если поменять местами положения преамбулы, разграниченные формулой «вместе с тем», а к утверждению об «англо-американских» источниках добавить всего одно слово «возможно», то акценты в докладе можно было бы признать более правомерными, если не по существу, то по форме уж точно.

Само структурное построение этого документа, как и отбор для него конкретных фактов, также не может не вызывать многочисленных вопросов. Почему, например, самая важная информация о возможных планах нападения Германии на СССР, как написано в докладе «вероятных вариантов действий», оказалась в его середине, без каких-либо попыток текстуально или по смыслу выделить ее среди остального «информационного мусора», и без того затуманивающего содержание доклада. Причем, в свою очередь, из трех возможных вариантов реальный план «Барбаросса», представленный в вольном изложении на основании сообщения «Альты» от 28 февраля 1941 года, также не выделен как наиболее вероятный⁶.

Часто в работах по истории советской разведки усилиями их авторов она выглядит как цельный, эффективно действующий организм, а ее деятельность описывается только в «мажорной тональности» как путь от успеха к успеху. Информация, добываемая по разведывательным каналам, отличалась точностью, своевременностью, актуальностью. Агентура приобреталась не иначе, как в высших эшелонах военного командования, спецслужб, руководстве государств. Сотрудники разведки представлены как высокие профессионалы, а их начальники исключительно как прозорливицы, просчитывающие развитие ситуации на много ходов вперед, и т. д.

Особенно такая «мажорная тональность», на наш взгляд, неуместна, когда исследуется такая важная и болезненная тема, как деятельность советской разведки накануне Великой Отечественной войны. Кроме исследования частных проблем, работы по этой тематике призваны ответить на главный вопрос: выполнила ли она, а если выполнила, то в каком объеме, свой долг и профессиональную обязанность перед государством в освещении хода подготовки Германии к нападению на Советский Союз в июне 1941 года.

Исследователи этой проблематики давно уже разделились на два противостоящих в своих выводах лагеря, назовем их условно «апологетами» и «критиками». Первые считают, что советская разведка свой долг перед страной выполнила, вторые же, признавая ее несомненные успехи, склонны более критично относиться к исходному тезису о том, что «разведка доложила точно». Причем обращает на себя внимание то обстоятельство, что лагерь «апологетов» представлен в основном бывшими руководителями и сотрудниками советских спецслужб и их органов (Павлов, Кирпиченко, Соцков, Корабельников, Голиков), что, кстати, невольно вызывает вопрос: не обусловлены ли их выводы простым и понятным желанием защитить «честь мундира», а не стремлением найти истину, тем более что поводов для такого суждения они сами дают множество.

⁶ Там же. С. 536.

Так, большинство исследователей истории предвоенной советской разведки ориентированы лишь на изучение информационной составляющей критериев ее эффективности. Другими словами, какого качества и насколько получаемая по каналам разведки информация удовлетворила потребности ее конечных получателей на всех уровнях властной вертикали? Никто не спорит, что это – важнейшая и главная обязанность всех субъектов разведывательной деятельности. Но, изучая эту проблематику, нельзя упускать из виду другую, не менее важную, проблему мобилизационной готовности разведки к войне, напрямую связанную с результатами ее деятельности уже непосредственно в годы войны, особенно на ее начальном этапе.

После обрушившихся на разведку репрессий, когда большая часть кадровых разведчиков двух основных ее ветвей была либо уничтожена, либо подверглась аресту или увольнению, ее аппарат, по существу, пришлось создавать заново. Руководство военной и внешней разведок и соответствующие их подразделения предприняли максимум возможного в тех условиях, чтобы восполнить кадровые потери. Но совершенно ясно, что полностью решить эту проблему не удалось. Особенно это касается зарубежных разведывательных аппаратов.

Много фактических данных указывает на то, что не только в самой Германии, но и в ряде других европейских стран к началу войны мобилизационные мероприятия завершены не были. Это привело к тому, что после нападения Германии на Советский Союз наиболее ценные и проверенные на практической работе агенты остались без связи. Какой ущерб делу разведки на начальном этапе войны это принесло, можно проиллюстрировать одним примером.

Одной из наиболее результативных предвоенных резидентур внешней разведки была берлинская. К февралю 1941 года на связи у ее сотрудников находилось восемнадцать агентов («Старшина», «Корсиканец», «Брайтенбах», «Август», «Цопот», «Юн», «Экстерн», «Чернов», «Старик», «Лесовод», «Эразмус», «Фильтр», «Франкфуртер», «425», «Хайдерсбах», «Винтерфельд», «Лицеист», «Венера») ⁷. Как минимум на двоих из них («Старшину», «Корсиканца»), в свою очередь, замыкалось не менее двадцати субисточников, также являвшихся поставщиками ценной разведывательной информации.

В опубликованных источниках нет ни одного упоминания о том, что работа с этими агентами была продолжена после начала войны. При этом разовый контакт резидента военной разведки Гуревича (Кента) с Шульце-Бойзенем можно рассматривать только как одну из судорожных попыток восстановления связи с агентурой, оставшейся без связи. Да и сам факт обращения руководства внешней разведки к своим военным коллегам за помощью твердо указывает на его неспособность своими силами решить проблему связи.

Эта проблема вплоть до 22 июня 1941 года была самой больной и так до конца и нерешенной. Сегодня нам известно, что, несмотря на активную работу В. Короткова, плановые мероприятия по созданию нелегальных резидентур во главе с Харро Шульце-Бойзенем («Старшина») и Арвидом Харнаком («Корсиканец») завершены не были. Подготовка к переходу на радиосвязь велась усиленными темпами, но обеспечивать группы Шульце-Бойзена и Харнака действующими радиопередатчиками Короткову пришлось уже в экстремальных и драматических условиях кануна войны. Не зная всех обстоятельств дела, мы не вправе осуждать советского разведчика и его руководителей. Но сформулировать вопрос о несвоевременности их действий, повлекших за собой фактическое прекращение агентурной деятельности нескольких десятков человек в самый ответственный период вооруженной борьбы с Германией, наше право. То же самое относится к парижской и венской резидентурам внешней разведки.

Незавершенность мероприятий по переводу разведки на работу в условиях военного времени привела к тому, что после начала войны предпринимались судорожные попытки восста-

⁷ Лебедев В. Деятельность внешней разведки по вскрытию сроков нападения Германии на СССР // Исторические чтения на Лубянке. М., 2001. С. 20. В списке, скорее всего, речь идет об агенте «Аугуста» (Марта).

новления связи с фактически «брошенной» агентурой в Германии, приведшие в конце концов к ее почти полной ликвидации. Это прежде всего относится к внешней разведке.

Лагерь «апологетов», доказывая тезис об исчерпывающем информировании разведкой руководства страны о ходе подготовки нападения Германии и, соответственно, о выполнении возложенных на нее задач, почти полностью игнорирует вышеприведенный пример и другие многочисленные известные факты, свидетельствующие о неготовности самой разведки к войне.

Таким образом, общая оценка эффективности советской разведки накануне войны может быть дана только при условии комплексного исследования трех основных проблем в их единстве: собственно, информационной (соответствие полученных разведкой сведений реальному положению дел), мобилизационной готовности (исчерпанность мер по переводу разведки на условия военного времени), способности противостоять информационному влиянию противника (распознавание дезинформации).

Доказательства, подтверждающие «аксиому», что «разведка доложила точно», основываются на большом объеме опубликованных архивных документов, в которых действительно содержится огромное количество фактов, свидетельствующих о ходе подготовки Германии к войне против СССР. Но, помимо противоречивого характера значительной части таких сообщений, есть некоторые сомнения относительно «научной добросовестности» некоторых составителей сборников архивных документов.

Поясним наш «скепсис» на следующем примере. Подавляющее большинство опубликованных документов по разбираемой теме относится к зарубежным резидентурам военной и внешней разведок в Берлине, Бухаресте, Софии, Будапеште, Париже, Токио. Сопоставимый по количеству объем разведывательных материалов поступал также из центральных и территориальных органов НКГБ-НКВД, органов оперативно-тактической (разведотделы штабов военных округов) и пограничной разведок. О качестве получаемой Центром по этим каналам информации – отдельный разговор.

Исследователям истории отечественных спецслужб стали известны многие интереснейшие подробности работы берлинских резидентур внешней и военной разведок. Имена таких агентов, как Ильза Штебе, Рудольф фон Шелия, Арвид Харнак, Вилли Леман, Харро Шульце-Бойзен, а также других агентов, замыкавшихся на берлинские точки, навсегда вписаны в действительно самые славные страницы истории советской разведки.

Но почему, например, никогда не публиковались документы о предвоенной деятельности и оперативных возможностях данцигской и кёнигсбергской резидентур внешней и военной разведок? Из разрозненных и не всегда поддающихся обоснованным оценкам высказываний сотрудников германских спецслужб известно, что агентурные аппараты этих точек были буквально «пронизаны» агентами-двойниками Абвера и гестапо.

Например, какую роль сыграл внедренный в агентурную сеть советской разведки агент данцигского гестапо Формелл в информировании советских политических и военных инстанций о планах германского руководства? Внес ли он свою лепту в грандиозный провал данцигской резидентуры, когда в самом начале войны гестапо арестовало около пятидесяти человек, в разной степени задействованных в операциях советской разведки?

Или как начальником контрразведывательного реферата (3F) Абверштелле «Кёнигсберг» майором Вильгельмом Крибицем были перевербованы источники резидента советской разведки Киселева?

Почему бывший начальник указанного аппарата Абвера подполковник Ноцны-Гаджински, а в 1941 году начальник реферата 3F тильзитского «Абвернебенштелле», однозначно считал своим крупным успехом операцию по продвижению через агента-двойника в разведотдел штаба Прибалтийского военного округа документальных материалов о передислокации германских частей из Восточной Пруссии обратно во Францию?

Какого рода дезинформация уходила по этим каналам на Лубянку и в Знаменский переулок и дальше в Кремль? Могла ли она влиять на решения Сталина и советского военного командования? В каком виде, документальном или в форме агентурных сообщений, ретранслировались эти сведения в Москву? Об этом нам из отечественных источников ничего не известно.

Если предположить, что указанные выше факты действительно имели место, а тем более если будут опубликованы советские материалы, проливающие свет на эти события, то многие устоявшиеся представления и мифы о деятельности советской разведки придется пересматривать.

В данном случае мы говорим не о тех «мифах», которые на наших глазах складываются на основе многочисленных изданий, привносящих в историю советской разведки сенсационный и несколько скандальный оттенок. Мы имеем в виду серьезные исторические работы, которые, основываясь на солидной источниковой базе, оценивают прошедшие события без должного критического осмысления опубликованных документов советской разведки.

Несколько слов о мифах «первой категории». Некоторые авторы, например, в своих работах стараются убедить читателя в том, что известный всем генерал-лейтенант А. А. Власов, оказывается, был не изменником, а выполнял функции «двойного агента» в целях «дезинформирования военно-политического руководства Германии». При этом не объясняют то обстоятельство, что если принять эту гипотезу к рассмотрению, то, кроме множества второстепенных, они должны будут ответить на несколько главных вопросов, от убедительности ответа на которые зависит вся конструкция исследуемой версии.

Например, можно ли считать поражение 2-й ударной армии в 1942 году, с его катастрофическими последствиями для всего фронта, частью плана по «внедрению» Власова в агентурную сеть противника в качестве «стратегического» агента-двойника? Готов ли был Сталин в ходе Волховской операции пожертвовать одной из своих самых боеспособных армий, чтобы решить столь иллюзорную задачу? Можно ли расценивать яростное сопротивление дивизий РОА на Восточном и Западном фронтах как условие, позволявшее ему решать задачи «агента-двойника»? Как относиться к опубликованным материалам советской разведки о планах по физическому уничтожению Власова (операция «Ворон», вербовочные разработки М. В. Богданова, Г. К. Жиленкова) и т. д.⁸?

Нам объясняют, что-де само назначение Власова на должность командующего 2-й ударной армией состоялось после того, как исход операции был уже предрешен, а поражение было неминуемо. Но самый главный аргумент, опровергающий версию «агента-двойника», заключается даже не в вышеперечисленных вопросах и в полном отсутствии документальных свидетельств в ее пользу, а в законе самой вооруженной борьбы, гласящем, что сражающаяся армия по принципу не может быть средством для реализации самых идеальных и изошренных планов спецслужб. Ее задача и задача ее командующего заключаются в приложении максимальных усилий для достижения победы на любом этапе операции. Если же победы достичь не удастся, то сражающиеся войска должны нанести максимальный урон противнику и погибнуть.

Конечно, без выработки версий, касающихся конкретных эпизодов деятельности спецслужб, исследователю никак не обойтись. Но они должны быть убедительны и основаны как минимум на достоверных и документально закреплённых фактах, а не на «высосанных из пальца» домыслах и фантазиях, которые приводят в своих работах некоторые авторы подобных «сенсаций».

Если следовать такой логике допущений, нам придется столкнуться с гипотезами, например, об участии представителей внеземных цивилизаций в разведывательном освещении под-

⁸ Колтакиди А. Ликвидаторы КГБ: Спецоперации советских спецслужб. 1941–2004. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 31.

готовки нападения Германии на Советский Союз, или что-то в этом роде (версия об участии «экстрасенсов» уже озвучена).

Каждый исследователь истории предвоенных спецслужб сталкивается с двумя связанными между собой проблемами: противоречивым по своей природе характером деятельности спецслужб и недостатком документальных источников.

Применительно к первой проблеме поясним сказанное примерами, оговорив, что развернутое изложение «парижских интриг», равно как и «дело Севрюка», будет представлено ниже.

В 1934–1937 годах советская внешняя разведка имела несколько ценных источников информации, освещавших многие важные аспекты внешней политики санационной Польши. В частности, в окружении близких связей польских генералов Сикорского и Галлера действовал агент советской разведки, о котором речь пойдет ниже, представлявший много информационных сообщений о польско-германских отношениях, включая сведения о «секретном военном соглашении» между Польшей и Германией⁹.

Итак, можно ли однозначно расценивать как успех советской разведки получение из «важных польских источников» информации о существовании особого секретного договора между Польшей и Германией, авторитетно подтвержденное мнением известных оппозиционных санационному режиму деятелей – генералов Сикорского и Галлера? С точки зрения оперативной практики и оценочных критериев результативности разведывательной работы этот факт можно однозначно оценивать как несомненный успех советской внешней разведки. Агентурное внедрение в близкое окружение весьма информированных генералов само по себе ценно, как ценно и содержание получаемой по этому каналу информации.

А вот по политическим последствиям такую информацию однозначно оценить как успех уже проблематично, так как имеются важные указания на то, что и сами генералы, и, соответственно, агент советской разведки в этой области своей информированности могли стать жертвами как минимум непроверенных слухов, а как максимум – инспирированной неизвестной разведкой широкомасштабной дезинформационной операции. Также нельзя исключать вероятность того, что сами польские генералы, преследуя свои политические цели, сформулировали тезис о договоре Пилсудского с Гитлером.

Если принять такую версию к рассмотрению, получается, что руководство СССР в выстраивании политических отношений со своими европейскими партнерами, и прежде всего с Польшей и Германией, исходило из неверной посылки о существовании между ними «секретного военного соглашения», направленного против Советского Союза, информация о котором была получена по разведывательным каналам. Насколько было ущербной для интересов Советского государства восприятие советским руководством этой посылки – тема отдельного разговора.

Сохранившиеся польские источники позволяют значительно дополнить и более «выпукло» отобразить картину международных интриг, ареной которых выступили Париж и Варшава 1930-х годов. Для того чтобы понять смысл и потаенные пружины происходивших тогда событий, нам придется обратиться к фактам политической истории и фону, на котором главные персонажи играли отведенные им роли.

Или другой пример. В некоторых источниках известный украинский политик, а позже ответственный сотрудник германского министерства авиации Александр Севрюк называется ценным агентом советской внешней разведки. Информация о его сотрудничестве основана на воспоминаниях жены бывшего резидента ИНО ОГПУ И. Порецкого (Рейса) Элизабет Порецки, которая прямо указала и на факт сотрудничества, и на некоторые детали его разведывательной работы в пользу советской разведки. Можно ли вслед за ней считать А. Севрюка

⁹ Несмотря на множество косвенных указаний, включая документы советской и французской разведок, документально подтвержденный факт его существования отсутствует.

«ценным агентом» советской разведки в Германии? При почти полном отсутствии документов о его деятельности, основываясь только на информации Э. Порецки, наверное, можно.

Но как в таком случае интерпретировать следующий абзац в одном из документов римской резидентуры польской разведки, датированном ноябрем 1936 года: *«Инсабато показывает письмо Севрюка (Севрюка. – Авт.), который как агент 2-го отдела немецкого (Генштаба) постоянно ездит по Европе (Вена – Прага – Берлин – Мюнхен и т. д.) и скоро снова будет в Вене. В показанном письме Севрук приглашает Инсабато в Берлин»*¹⁰?

Основано ли утверждение польского резидента о работе Севрюка на германскую военную разведку на каких-либо фактических данных или является всего лишь бездоказательным предположением? Нам об этом ничего не известно. Кроме того, участие Севрюка как представителя Абвера в зондаже по вопросу восстановления связи между германской и советской разведками ставит под большое сомнение версию о его «честном» сотрудничестве с последней. Но в любом случае такие документальные свидетельства необходимо учитывать при построении самостоятельных версий.

Представим себе, что в 1945 году советская контрразведка не получила в качестве трофея материалы гестапо о деятельности агента-двойника «Лицеиста» (О. Берлинга), а его кураторы от гестапо и МИД Германии Мюллер и Ликус ускользнули из рук СМЕРШа. Возможно, агентурные сообщения «Лицеиста», направляемые в Москву, попали бы в сборники документов советской разведки в их «позитивный» раздел, отражавший ход подготовки Германией нападения на СССР. В этом случае откровенная дезинформация, подготовленная германскими спецслужбами, почти наверняка трактовалась бы исследователями как сведения, отражавшие возможные сомнения и колебания в руководстве Германии о направлениях дальнейших действий на Востоке или Западе Европы.

Подобных примеров можно привести множество. А это значит, что исследователь, обращаясь к проблематике деятельности спецслужб, при анализе документов и других свидетельств должен очень критично относиться к их содержанию.

За последние годы исследователям стали доступны многие важные и исключительно интересные архивные материалы советской разведки. Они не только пролили свет на многие ранее неизвестные факты ее истории, но и познакомили общественность с именами ранее неизвестных советских разведчиков, которые и составили советской разведке славу как одной из самых эффективных спецслужб того периода. Еще относительно недавно список известных на этом поприще лиц исчерпывался парой десятков фамилий, включая Рихарда Зорге, Леопольда Треппера, Шандора Радо, Льва Маневича и др. Причем информация об их работе и свершениях содержалась, как правило, в художественных произведениях, написанных, правда, на основе рассекреченных архивных материалов.

В наши дни такой список состоит уже из нескольких сотен имен, представленных и в серьезных энциклопедических справочниках, и в многочисленных публикациях по истории советской разведки.

Но за официальными биографиями действительно заслуженных сотрудников разведки, построенными по определенным шаблонам (родился, учился, служил там-то и там-то), подчас не видно реальных человеческих лиц, с их достоинствами и недостатками, мнимыми и реальными успехами и поражениями.

Тем ценнее свидетельства участников тех далеких по времени событий. Иной раз отдельное высказывание одного из таких свидетелей для характеристики героев «тайной войны» дает больше, чем сухие и многостраничные биографии. Например, жизнь и деятельность венского резидента внешней разведки Василия Петровича Рощина достаточно подробно описана в соот-

¹⁰ *Былинкин В., Кортаев В.* Портрет лидера ОУН в интерьере иностранных разведок // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2006. Т. 2. С. 109.

ветствующей литературе. Но только одно высказывание завербованного им агента позволяет нам представить в совокупности личные и профессиональные качества советского разведчика.

Так, после состоявшейся вербовки бывший депутат Рейхстага от Германской национальной народной партии Рейнхольд Вулле дал такую характеристику своему вербовщику – Рощину, озвученную другим участником комбинации – советским агентом Хомутовым (А/1): *«Это – “настоящий боец, выдавший виды парень”*, производит, судя по ответам и осведомленности, довольно хорошее впечатление. По-видимому, искусен в ведении переговоров»¹¹.

Такие слова Вулле – опытного и проницательного политика – дорогого стоят. К сожалению, таких характеристик в опубликованных источниках содержится немного.

¹¹ Мотов В. НКВД против Абвера. Незримый поединок. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 91.

Тайны майора Жихоня

Что такое «двуйка»

Приступая к изложению событий, связанных с деятельностью некоторых героев нашего повествования, проявивших себя умелыми и результативными разведчиками, следует сказать несколько слов о том, что собой представляла система польских военных спецслужб, вошедшая в историю под названием «двуйки». В коротком очерке невозможно описать весь ход двадцатилетнего существования 2-го отдела Главного штаба Войска Польского, но конспективное изложение истории создания и функционирования этого важного государственного института Второй Речи Посполитой все же необходимо. Для того чтобы читатель имел общее представление о том, в каких условиях действовали Жихонь, Сосновский, Незбжицкий, что собой представляли отдельные подразделения польской разведки, какова была система взаимодействия между ними, ограничимся короткой исторической справкой.

После обретения Польшей независимости, одновременно с созданием ее государственных институтов, начался процесс формирования высших военных властей и органов военного управления. 17 октября 1918 года, в рамках Военной комиссии Временного военного департамента, полковник Влодзимеж Загорский приступил к созданию Генерального штаба Войска Польского, который по замыслу Юзефа Пилсудского и в соответствии со сложившейся военной традицией должен был стать «мозгом армии». В первые месяцы своего формирования Генеральный штаб состоял из шести самостоятельных отделов, реализующих разноплановые функции военного управления (расквартирования, информирования, боевой подготовки и т. д.). К 10 марта 1919 года их число возросло до десяти. В условиях подготовки к военным действиям против Советской России Генеральный штаб приказами от 18 февраля и 10 марта 1919 года был преобразован в Верховное командование Войска Польского¹².

Выполнение разведывательно-информационных функций, то есть решение совокупности всех задач сбора, аналитической обработки, реализации разведывательных материалов, приказом начальника Генштаба от 13 ноября 1918 года вначале было возложено на 6-й (информационный) отдел Генштаба, который на следующий год стал называться 2-м отделом. В состав 6-го отдела под руководством майора Мечислава Мацкевича входило семь секций – подразделений, решавших информационные и специальные задачи по географическому и функциональному принципам.

Так, 1-я секция под руководством ротмистра Кароля Андерса занималась обобщением и анализом информационных сообщений, затрагивающих проблематику строительства и развития зарубежных армий.

2-я секция, разделенная на две подсекции («Восток», «Запад»), занималась организацией и проведением так называемой «позитивной» разведки по географическому принципу. В этой же секции концентрировались материалы контрразведывательного характера (поручик Бронислав Витецкий).

В задачи сотрудников 4-й секции входила подготовка разведывательных материалов о положении в сопредельных государствах, а после начала советско-польской войны – сводок о положении на фронте (поручик Феликс Врублевский). Получателем разведывательного «продукта» 5-й секции выступали органы власти и управления Второй Речи Посполитой, в соответствии с характером информационных материалов. В задачи 6-й секции входило руководство

¹² *Czarnecka R. Oddział II Sztabu Głównego (Generalnego) w latach 1921–1939. Zarys organizacyjny i przegląd zawartości inwentarza // Biuletyn Wojskowej Służby Archiwalnej, 2006, № 28. S. 64.*

деятельностью польских военных атташе за рубежом. Секция 7-я проводила работы по созданию собственных шифровальных систем и занималась дешифровкой иностранной корреспонденции¹³.

Указанные подразделения непосредственно не занимались разведывательной работой, а проводили аналитическую обработку получаемых из 2-й секции разведывательных материалов с последующим докладом в заинтересованных инстанциях.

В нестабильных условиях внутривойсковой и военной обстановки продолжавшихся военных столкновений между польскими вооруженными силами и частями советского Западного фронта строительство польских военных органов управления было связано с многочисленными кадровыми и организационными изменениями. Этот процесс затронул также и вновь создаваемые польские специальные службы, включая органы военной разведки.

Руководство польской военной разведки придавало большое значение формированию дееспособных и эффективных периферийных специальных структур – подразделений войсковой, агентурной, радиотехнической разведки, их кадровому и финансовому обеспечению.

После завершения советско-польской войны и подписания Рижского мирного договора начинается этап реформирования Войска Польского и его организационных структур в направлении перехода на условия мирного времени. Декретом Пилсудского от 3 апреля 1921 года Верховное командование Войска Польского было ликвидировано, а входившие в его состав отделы передавались в ведение воссозданного Генерального штаба и Военного министерства¹⁴. По новому положению Генеральный штаб включался в Военное министерство с подчинением его начальника военному министру на правах заместителя и постоянного члена Военного совета.

Приказом военного министра генерала Казимежа Соснковского от 22 июня 1921 года в сферу компетенции 2-го отдела Генерального штаба были отнесены все вопросы специальной, разведывательной, информационной деятельности польских вооруженных сил. На следующий день начальником Генерального штаба генерал-поручиком Владиславом Сикорским был подписан приказ, определяющий новую структуру 2-го отдела Генштаба и его задачи в условиях мирного времени. В их число входили: организация разведывательной, информационной деятельности, формирование и обучение кадрового состава отдела, информирование органов власти и военного управления, совершенствование форм и методов специальной деятельности, подготовка собственных мобилизационных планов на случай войны, контрразведывательное обеспечение Войска Польского и других государственных полувоенных формирований.

Согласно штатному расписанию, в 1921 году число сотрудников центрального аппарата 2-го отдела Генерального штаба Войска Польского насчитывало: 64 штаб- и обер-офицера, 13 младших офицеров, 20 гражданских служащих. Обязанности начальника польской военной разведки исполнял подполковник Игнацы Матушевский, имевший одного заместителя – полковника Люциана Сикорского¹⁵.

В 1921 году в состав 2-го отдела входило три номерных отделения, поделенных, в свою очередь, на функциональные и географические рефераты (секции, отделения). 1-е (организационное) отделение занималось вопросами функционирования польской военной разведки в сфере обучения, кадрового, материально-технического, финансового обеспечения. Начальник отдела – майор Болеслав Сикорский. 2-е (информационное) отделение занималось разработкой информационных заданий для 3-го (разведывательного) отделения и аналитической обработкой всех разведывательных материалов, получаемых по каналам военной разведки,

¹³ *Ćwiiek H. Przeciw Abwehrze. Warszawa Bellona, 2001. S. 10.*

¹⁴ Генеральный штаб состоял из пяти управлений (отделов), созданных на базе расформированных структур Верховного командования Войска Польского и штаба Военного министерства: 1-й отдел – организационный, 2-й отдел – разведывательный, 3-й отдел – обучения, 4-й отдел – обеспечения войск, 5-й отдел – служба офицеров Генштаба.

¹⁵ *Czarnecka R. Op. cit. S. 67.*

с последующей их реализацией в военных и государственных инстанциях Второй Речи Посполитой. Начальник – майор Тадеуш Шатцель.

3-е (разведывательное) отделение осуществляло непосредственно (через соответствующие рефераты центрального аппарата) и через подчиненные территориальные органы разведывательную и контрразведывательную деятельность. Начальник – майор Казимеж Кешчиньский.

Кроме рефератов 3-го отделения, руководивших деятельностью зарубежных плацувок (резидентур), в подчинении его начальника находились номерные территориальные органы польской военной разведки – экспозитуры, дислоцированные в городах Вильно (№ 1), Варшаве (№ 2), Познани (№ 3), Кракове (№ 4), Львове (№ 5), Бресте (№ 6). После реорганизации 1933 года территориальные экспозитуры стали напрямую подчиняться начальнику 2-го отдела.

Приказами начальника польской военной разведки определялись места дислокации, характер повседневной деятельности, объекты разведывательного изучения экспозитур. Их общие задачи впервые после окончания боевых действий были определены приказом военного министра генерала Казимежа Соснковского от 1 августа 1921 года. К ним относились:

- проведение разведывательных мероприятий в четко определенных зонах прикордона (глубина до 250 километров);
- разведывательное изучение воинских частей и соединений противника, объектов его военной инфраструктуры;
- учет и первичное изучение всех поступающих разведматериалов;
- проведение контрразведывательных мероприятий в отношении спецслужб противника, дислоцированных в прикормоне.

В конце 1921 года Генеральный штаб начал принимать под свое командование расформированные органы разведки ликвидированного 2-го отдела штаба Верховного командования Войска Польского.

Юзеф Пилсудский как опытный революционер-практик, прошедший школу борьбы с политическим сыском царской России на практике, прекрасно понимал, какие возможности представляли эффективно действующие спецслужбы. Поэтому неслучайно то внимание, какое он уделял процессу формирования и функционирования польской военной разведки, подбору ее руководящих кадров, сохранению и поддержанию традиций подпольной ПОВ (польской организации войсковой). Ни одно назначение на руководящие посты во 2-м отделе Генерального штаба не проходило без личной санкции руководителя государства. Подавляющее большинство из них были лично известны Юзефу Пилсудскому по их прошлой совместной деятельности в качестве «повяков», «Союза стрелков» и т. д.

В условиях установившегося с 1926 года авторитарного режима, предполагавшего концентрацию власти в одних руках с опорой на вооруженные силы и другие силовые структуры, система назначения на руководящие должности в государстве строилась в значительной степени на «личностном факторе», когда к кандидату, кроме его личных и деловых качеств, предъявлялись повышенные требования преданности Пилсудскому и их совместная прошлая деятельность. Пришедшие к руководству 2-м отделом выходцы из польских легионов полностью им отвечали.

Проведенная к январю следующего года реорганизация не затронула структуру трех основных отделений (организационного, учетного и разведывательного) аппарата польской разведки. К ним добавились вновь сформированные три отдельных реферата, которые вобрали в себя ряд функций указанных подразделений.

Так, отдельный общий реферат был ответственен за поддержание официальных контактов всей польской разведки с другими государственными органами Второй Речи Посполитой, руководство деятельностью польских военных атташе, аккредитованных в иностранных государствах, и за поддержание связей с военными атташатами этих стран в Польше.

Договорно-транзитный реферат проводил юридическую и военную экспертизу готовящихся к подписанию двусторонних договоров с другими иностранными государствами. Небольшой по численности (2 офицера) реферат Лиги Наций занимался проблематикой этой и других международных организаций.

Возрастающая потребность в подготовке качественного аналитического «продукта» привела к тому, что исследовательские функции перешли из рефератов «Восток» и «Запад» разведывательного отделения во вновь сформированные рефераты «Россия» и «Германия» учетного отделения, а рефераты «Юг» и «Север» были вовсе ликвидированы¹⁶.

В 1920–1930-е годы аппарат 2-го отдела неоднократно подвергался структурным реформам, вызванным требованиями изменяющейся оперативной обстановки, но его деление на добывающие, информационно-аналитические и организационно-кадровые подразделения продолжало сохраняться вплоть до начала Второй мировой войны.

Приказами начальника Главного штаба в 1933 году была утверждена измененная структура и штатное расписание 2-го отдела, в соответствии с которым в центральном аппарате проходили службу 47 офицеров, 64 подофицера, 9 гражданских служащих. Кроме того, за отделом числилось 30 офицерских должностей в территориальных экспозитурах и 80 офицеров «внешней службы», работавших в зарубежных плацувках¹⁷.

Разведывательная, контрразведывательная, диверсионно-повстанческая работа 2-го отдела Главного штаба была сосредоточена в разведывательном отделении, поделенном на региональные и функциональные рефераты (сектора, отделения). Крупнейшими и, соответственно, наиболее значимыми в системе польской разведки были рефераты «Восток» и «Запад», призванные руководить и координировать специальную деятельность зарубежных плацувок (резидентур).

Практика деятельности 2-го отдела Главного штаба применительно к его структурному построению и в части использования специальной терминологии предусматривала проведение так называемой «глубокой» и «ближней» разведки. Первая проводилась через зарубежные разведывательные плацувки, как правило, действовавшие с позиций польских дипломатических учреждений и других официальных представительств. «Ближняя» же разведка, проводимая на глубину от 100 до 160 километров, осуществлялась силами и средствами территориальных аппаратов польской разведки – экспозитур, замыкавшихся на одного из заместителей начальника 2-го отдела¹⁸.

После ликвидации в 1926 году экспозитуры в г. Бресте крупнейшими территориальными органами 2-го отдела, проводившими разведку против соседних стран (СССР, Литвы, Чехословакии), стали Экспозитуры № 1 в г. Вильно и № 5 в г. Львове.

В 1929 году варшавская Экспозитура № 2 как территориальный разведывательный орган также была ликвидирована. Вместо нее под тем же номером в Варшаве была сформирована экспозитура, призванная решать широкий спектр разведывательных, разведывательно-диверсионных и информационно-подрывных задач, включая проблематику «Прометеизма». Исходя из их характера, начальник вновь созданного органа напрямую подчинялся заместителю начальника 2-го отдела Главного штаба. Данная структура кроме информационно-аналитического обобщения поступавших материалов и выработки перспективных планов по инспирированию повстанческих движений на национальных окраинах СССР также руководила повседневной деятельностью замыкавшихся на нее плацувок, расположенных в ряде европейских и восточных стран.

¹⁶ Мисюк А. Спецслужбы Польши, Советской России и Германии. Организационная структура польских спецслужб и их разведывательная и контрразведывательная деятельность в 1918–1939 годах. М.: Крафт, 2012. // С. 34–35.

¹⁷ *Czarnaeka R.* Op. cit. S. 75.

¹⁸ Аналоги советской военной разведывательной терминологии – стратегическая и оперативно-тактическая разведка.

Центральный аппарат Экспозитуры № 2 по функционально-географическому принципу был поделен на семь рефератов:

– реферат «Запад» (работа по Германии, Данцигу, Чехословакии) занимался созданием и руководством разведывательных, диверсионных и информационно-подрывных звеньев в указанных странах;

– реферат «Восток» проводил аналогичную деятельность в СССР и Литве. Основным же направлением работы реферата стало проведение мероприятий по инспирации повстанческо-сепаратистских движений в национальных республиках СССР;

– объединенный реферат «Юг» и «Юго-Восток» руководил работой специализированных плацувок, расположенных на польской территории;

– реферат диверсионной техники;

– реферат технической безопасности;

– реферат пропаганды;

– административный реферат.

С расформированием в 1930 году старых экспозитур в Познани (№ 3) и Кракове (№ 4) и формированием новых в Быдгоще и Познани в целом была завершена реформа территориальных органов польской разведки.

Большие организационные и организационно-штатные изменения во 2-м отделе Главного штаба произошли в 1931–1932 годах и были связаны с общей реформой системы управления польскими вооруженными силами. Дополнительной причиной также явился крупный шпионский скандал, связанный с разоблачением в Главном штабе советского агента майора Петра Демковского¹⁹.

Период с конца 1920-х – начала 1930-х годов пришелся на поиск наиболее оптимальных вариантов подчиненности и эффективных механизмов взаимодействия между экспозитурами и разведывательными подразделениями Пограничной стражи (Запад) и Корпуса пограничной охраны (Восток). Объективные условия, практика и относительно низкие результаты работы пограничных разведывательных аппаратов показали их недостаточную эффективность. Было принято решение о более тесном взаимодействии с экспозитурами, одним из элементов которого стало включение аппаратов «разведывательных офицеров» Пограничной стражи и КПО в состав территориальных органов военной разведки. Но такое включение не предполагало механического объединения аппаратов экспозитур и разведывательных офицеров. Оставаясь в составе Пограничной стражи и Корпуса пограничной охраны, последние в строевом отношении продолжали подчиняться соответствующим окружным инспекторам. Таким образом, отличительной особенностью функционирования аппаратов приграничной разведки стала ее двойная подчиненность, которая, несмотря на организационные сложности, в целом способствовала решению чисто разведывательных и контрразведывательных задач.

После завершения советско-польской войны и начала строительства новых органов власти и управления было принято решение о разделении функции военной и «гражданской» контрразведки, соответственно, во 2-м отделе Генерального штаба и Государственной полиции МВД. В первом органе задачи по контрразведывательному обеспечению Войска Польского и других военизированных формирований были возложены на соответствующие подразделения 2-го отдела. После очередного изменения всей структуры 2-го отдела вопросы организации и руководства контрразведывательной деятельностью и обеспечением безопасности в 1929 году были возложены на отделение Пб.

В его состав входили следующие рефераты: общий, контрразведывательный, охраны тайны (секретности), национальный, центральной агентуры. Вспомогательные функции были возложены на внутреннюю картотеку и канцелярию.

¹⁹ *Ćwięk H. Przeciw Abwehrze. S. 24–25.*

Практической работой по борьбе с иностранными спецслужбами занимались территориальные органы военной контрразведки, так называемые Отдельные информационные рефераты Корпусных окружных командований (Samodzielne Referaty Informacyjne Dowódstw Okręgów Korpusów, сокр. SRI DOK). Они также имели двойную подчиненность, обусловленную спецификой их функционирования. По линии контрразведывательной деятельности они подчинялись отделению Пб центрального аппарата, а по вопросам строевой службы – начальникам (командирам) окружных командований.

Подводя предварительный итог, можно сказать о том, что в межвоенное двадцатилетие 2-й отдел Главного штаба Войска Польского представлял собой внушительную силу, способную профессионально решать широкий спектр задач в области разведки, контрразведки и информационно-аналитической деятельности. Насколько этот потенциал был использован, попробуем оценить на известных примерах деятельности его незаурядных сотрудников: Яна Жихоня, Ежи Сосновского, Антония Незбжицкого.

Начало

В истории польской разведки было немало персонажей, которые по совокупности результатов своей деятельности составили ей славу как одной из наиболее эффективных европейских спецслужб в межвоенное двадцатилетие. Но даже среди большого числа таких профессионалов от разведки имя майора Яна Хенрика Жихоня стоит особняком. И дело не только в его неоспоримых заслугах в тайной войне разведок, но и в том, что он был по-настоящему неординарной и одновременно исключительно противоречивой личностью. До сих пор в среде польских специалистов по истории спецслужб ведутся споры о его месте и роли в событиях, предшествовавших Второй мировой войне.

Наш герой родился 1 января 1902 года в небольшом польском городе Скавине, располагавшемся на территории Австро-Венгерской империи. Свое двусоставное имя он получил в честь героя войны за независимость Польши генерала Домбровского, что свидетельствует о соответствующей обстановке и воспитании в семье, проникнутой ностальгическими воспоминаниями о «незалежной» Польше.

С началом Первой мировой войны будущий ас польской разведки Ян Хенрик Жихонь двенадцатилетним мальчиком (!) записывается добровольцем в 1-й польский легион. Все годы войны он провел на фронте и за боевые заслуги в 1919 году был произведен в подхорунжий. С мая этого года Жихонь в составе 12-го пехотного полка принимает участие в боевых действиях против вооруженных сил Украинской Центральной Рады, а после их завершения – в боях против отрядов «германской самообороны» в Верхней Силезии²⁰.

В этих событиях молодой польский офицер настолько хорошо себя зарекомендовал в глазах командования, что в октябре 1919 года он в звании поручика откомандировывается в распоряжение начальника 2-го отдела Верховного командования Войска Польского. Соответствующий приказ был подписан вице-министром Военного министерства Казимежем Соснковским. С этого времени и началась двадцатилетняя беспокойная служба Жихоня в польской военной разведке.

После обучения основам «шпионского» ремесла и непродолжительной стажировки в центральном аппарате разведки в должности референта он направляется в распоряжение начальника 2-го отдела Восточного фронта, где до октября 1920 года занимается вопросами организации разведки против советских войск.

После завершения советско-польской войны Жихонь в составе так называемой группы «Вавельбург», созданной 2-м отделом Верховного командования, ведет работу по обучению и комплектованию разведывательных и разведывательно-диверсионных групп, направлявшихся в Верхнюю Силезию для борьбы с военизированными формированиями немцев.

Для получения необходимого для присвоения очередного воинского звания командного стажа в феврале 1921 года Жихонь назначается на должность командира роты 45-го пехотного полка. Уже со следующего года он – сотрудник 2-го отделения 13-й пехотной дивизии в г. Ровно.

В 1924–1926 годах он вновь проходит службу в центральном аппарате в Варшаве офицером для особых поручений при начальнике 2-го отдела Генерального штаба полковнике Михале Байере²¹.

²⁰ *Ćwiek H.* Rola majora Jana Henrika Żychonia w rozpoznaniu zagrożenia II RP ze strony Niemiec // *Acta universitatis Wratislaviensis*, № 3079. Wrocław, 2008. S. 415.

²¹ Генеральный штаб Войска Польского 1 января 1929 года переименован в Главный штаб. В дальнейшем мы будем пользоваться этим наименованием.

1926 год стал особо значимым для дальнейшей карьеры Жихоня. Впервые он был назначен на самостоятельный участок работы в должности начальника «офицерского поста» (постерунок офицерски) № 2 в Катовицах, входившего в состав территориального разведывательного органа 2-го отдела Главного штаба – Экспозитуры № 4 (г. Краков).

На этом посту и проявились в полной мере профессиональные и организаторские способности капитана (с 1927 г.) Жихоня. Обстановка в зоне деятельности указанной экспозитуры отличалась высокой напряженностью в польско-германских отношениях, проявлениями которой были многочисленные акции противоборства между польскими и германскими спецслужбами. Как профессионал разведки, Жихонь сразу же проявил себя способным вербовщиком. Одной из его удачных вербовок стало привлечение к сотрудничеству некоего Шнайдера, младшего офицера в одном из штабов Рейхсвера. Часть материалов, поступавших по этому каналу, подтверждала сведения плацувки «In.3» – нелегальной резидентуры польской разведки в Берлине под руководством Ежи Сосновского – и получала хорошие оценки польского Центра²².

Другим значимым результатом деятельности Жихоня стало изобличение в разведывательной деятельности руководителя местного отделения «Фольксбунда» – националистической немецкой организации в Польше Отто Улитца, при помощи которого было организовано массовое переселение этнических немцев в Германию. В марте 1928 года Жихонь был назначен начальником экспозитуры в Данциге²³.

Несомненные успехи Жихоня на профессиональном поприще сильно подпортили два эпизода с криминальным «душком», непосредственным участником которых он стал. До сих пор неясны обстоятельства происшествия, но относительно благополучный выход Жихоня из сложной ситуации косвенно указывает на его невиновность в инкриминируемых ему деяниях.

Вначале последовало обвинение в его адрес в присвоении части денежных средств, предназначенных на оплату услуг агентуры, выдвинутое бывшим начальником Жихоня полковником Я. Драпелло.

В суде обвиняемому удалось доказать свою невиновность, и полковник был вынужден отказаться от своих обвинений и принести капитану свои извинения.

В 1929 году случилась другая неприятность. На квартире Жихоня в Данциге был обнаружен труп его коллеги поручика Грюнвальда с огнестрельным ранением. Специальная комиссия, занимавшаяся расследованием, установила невиновность Жихоня, признав, что причиной смерти поручика стало неосторожное обращение с огнестрельным оружием. После того как неприятности Жихоня закончились, он всецело отдался своей профессиональной деятельности²⁴.

²² *Ćwiek H.* Rola majora Jana Henrika Żychonia. S. 418.

²³ До реорганизации 1930 года аппарат 2-го отдела в Данциге назывался экспозитурой, но не был самостоятельным территориальным разведывательным органом.

²⁴ *Ćwiek H.* Rola majora Jana Henrika Żychonia. S. 417.

«Дело Нейхёфен» как прелюдия к «инциденту в Венло»

В мае 1930 года разразился очередной кризис в германо-польских отношениях, вызванный широко освещавшимся в прессе инцидентом на пограничном посту «Нейхёфен» (Новый Двор). Для описания майских событий и представления главных участников инцидента будет целесообразно сделать экскурс в прошлое, который позволит продемонстрировать специфику германо-польского противоборства, а также формы и методы деятельности польских и германских спецслужб в межвоенное десятилетие.

Главным участником описываемых ниже событий с польской стороны являлся кадровый сотрудник польской разведки Адам Биеджиньский. Известно, что в годы Первой мировой войны он проходил службу в германской армии, принимал участие в боях на Западном фронте, где был ранен и за проявленную на поле боя храбрость награжден Железным крестом. После провозглашения независимости польского государства он вступил в Войско Польское и, принимая участие в советско-польской войне в должности командира роты, был награжден Крестом Виртути Милитари 5-го класса. После кратковременного обучения на юридическом факультете Познаньского университета он продолжил службу в польских вооруженных силах.

С мая 1924 года Биеджиньский становится кадровым сотрудником 2-го отдела Главного штаба под прикрытием должности в Генеральном комиссариате Польши в Данциге. Действовавшая там разведывательная плацувка под условным наименованием «ВІG» входила в состав 2-й экспозитуры польской военной разведки²⁵. Около двух лет Биеджиньский исполнял функции офицера связи между аппаратом экспозитуры и ее периферийными заграничными точками в Кёнигсберге, Алленштайне, Берлине.

Приобретенный опыт разведывательной деятельности и знание французского и немецкого языков позволили Биеджиньскому в 1927 году занять самостоятельную должность руководителя отдельной разведывательной точки под прикрытием вице-консульства Польши в Штеттине. Объектом изучения этого разведаппарата являлись военные и военизированные структуры Рейхсвера, расположенные в провинции Померания. Кроме «позитивной» разведки германских военных объектов, в задачи Биеджиньского входила работа по выявлению деятельности штеттинского аппарата Абвера, который со второй половины 20-х годов начал проявлять активность в Польском Поморье. В число первоочередных задач, поставленных начальником данцигской экспозитуры капитаном Альфредом Бинкенмайером перед штеттинской плацувкой, входили: изучение объектов обороны канала «Оберланд» (Эльблонгский), добывание документации о системе радиотелеграфной связи, применяемой в Рейхсвере, и изучение гарнизона г. Штеттина²⁶.

На решение этих задач была выделена сумма в 80 долларов США (около 700 польских злотых). За относительно короткий промежуток времени Биеджиньский завербовал нескольких агентов и наладил получение текущей разведывательной информации. Так, в начале 1928 года к сотрудничеству был привлечен капитан ВМФ в отставке Мюллер, исполнявший обязанности руководителя Института морских сообщений, который начал поставлять картографические материалы, схемы портовых сооружений Штеттина и Свиномюнде и т. д. Руководством данцигской плацувки в лице Альфреда Бинкенмайера деятельность Биеджиньского всегда оценивалась положительно²⁷.

²⁵ До образования в 1930 году Экспозитуры № 3.

²⁶ Skóra W. Pomorski epizod konfrontacji polskich i niemieckich służb granicznych. Przebieg i skutki prowokacji pod Opaleniem 24 maja 1930 r. // 80 Rocznica powstania straży granicznej II Rzeczypospolitej. Warszawa – Kętrzyn, 2008. Т. 2. S. 171.

²⁷ В настоящее время города Щецин и Свиноустье (Республика Польша).

О характере получаемой от него информации свидетельствует, например, отчет за февраль 1928 года, в котором положительно были оценены материалы о деятельности морской и военной школ в г. Штеттине и коллекция фотографий базирующихся в городе миноносцев ВМФ Германии (№ 56, 57, 58).

Биеджиньский, пользуясь своим должностным положением и при благожелательном отношении консула Ежи Леховского, за короткий срок смог установить множество полезных контактов во всех слоях германского общества. Например, к числу его знакомых, используемых в качестве доверенных лиц (не агентов), относились: капитан ВМФ в отставке Цалисс, командир взвода саперного батальона Зуппер, сотрудник полиции Олейник, главный редактор местной газеты и депутат прусского парламента Густав Шуман, функционер регионального отделения «Союза ветеранов» Шорлау и другие²⁸.

Не ограничиваясь вербовочной работой, Биеджиньский активно занимался визуальной разведкой военных объектов Рейхсвера, расположенных в Штеттине и его окрестностях. Этому способствовало его «увлечение» велосипедными прогулками, причем их маршруты составлялись таким образом, чтобы по пути следования располагались интересующие Биеджиньского объекты (мосты, радиовышки, стрельбища и т. д.).

Его активность не прошла незамеченной для германской контрразведки. Весной 1928 года немцами планировались мероприятия по его задержанию, но, благодаря своевременному предупреждению знакомого офицера германской полиции, Биеджиньскому удалось избежать ловушки²⁹.

После замены в рамках ротации кадров поручик Биеджиньский был направлен в распоряжение Округного Поморского инспектората пограничной охраны на должность «информационного офицера». В его обязанности входила организация закордонной разведывательной деятельности в интересах 2-го отдела Главного штаба и Корпуса пограничной охраны. Специфической особенностью функционирования института «информационных офицеров» являлась их двойная подчиненность. По вопросам разведывательной и контрразведывательной деятельности они подчинялись 2-му отделу Главного штаба через региональные экспозитуры отдела. По остальным вопросам службы – начальникам инспекторатов. В нашем случае Биеджиньский, находясь в кадрах Корпуса пограничной охраны, в практических вопросах специальной деятельности в качестве агента под криптонимом «406» входил в состав данцигской экспозитуры под командованием капитана Бинкенмайера.

После ликвидации плацувки в г. Черске, вызванной неудовлетворенностью командования результатами ее работы, в конце 1929 года был создан новый офицерский пост под условным названием «Zabore», руководителем которого и был назначен комиссар Биеджиньский. В своем новом качестве он сразу же попал в поле зрения германской разведки после того, как бывший подкомиссар пограничной охраны Францишек Кулиг нелегально перешел границу и стал в качестве агента-вербовщика работать на сотрудника германской разведки Куршнига. В свою очередь, об этом Биеджиньскому стало известно от его агента в Германии.

Руководимый Биеджиньским пост добился неплохих результатов в освещении процессов, происходящих на территории Восточной Пруссии. К зиме 1930 года он руководил работой шести агентов, поставлявших информацию о различных германских организациях и учреждениях. Так, агент под криптонимом «560» работал по «Союзу молодых немцев» (Jungdeutsche Orden) – всегерманской молодежной националистической организации реваншистского толка. Агент «561» освещал деятельность пограничного поста в г. Мариенвердере (ныне г. Квидзын). Агент «557» – германской полиции порядка в том же городе, «2571» – «Союза ветера-

²⁸ Skóra W. Działalność polskiego wywiadu wojskowego w międzywojennym Szczecinie (1919–1939) // Przegland Zachodniopomorski. Szczecin, 2011. XXVI. S. 16–17.

²⁹ Ibid. S. 18.

нов» и т. д. Кроме них в состав агентурного аппарата плацувки входило еще пять «конфидентов» (осведомителей). Всего за 1930 год в вышестоящую экспозитуру было направлено 16 положительно оцененных информационных сообщений и четыре немецких оригинальных секретных документа³⁰.

Активность польской разведки в Восточной Пруссии заставила Абвер обеспокоиться сложившейся ситуацией и выработать соответствующие контрмеры. В Кёнигсберге было принято согласованное с Берлином решение: путем проведения активных мероприятий надолго парализовать деятельность поляков. Сейчас уже трудно реконструировать последовательность дальнейших событий, приведших к крупному «шпионскому скандалу», омрачившему и без того сложные польско-германские отношения, но остается несомненным сам факт захвата польских разведчиков на германской территории.

Известно, что поляки обратили внимание на бывшего вахмистра немецкой полиции в г. Мариенвердере Бруно Фуде как на возможного кандидата на вербовку. В ходе состоявшегося с польскими пограничниками знакомства Фуде сообщил, что один из его знакомых имеет доступ к важным секретным сведениям и не прочь подзаработать на их продаже, но ставит непременным условием передачу материалов на немецкой территории. Польские источники считают, что «инцидент» на посту Нойхёфен явился следствием провокации, учиненной германской разведкой для осложнения германо-польских отношений, не исключая возможно имевшего место силового захвата с последующей переправкой польских пограничников на германскую территорию³¹.

Однако сомнительно, что Биеджинский, опытный и результативный разведчик, услышав о таком предложении, без соответствующей подготовки бросился бы в авантюру. Скорее всего, выход Фуде на польскую разведку изначально осуществлялся под контролем Абвера в рамках долговременной операции, причем операции, проведенной немцами исключительно профессионально. В пользу такой версии говорит предположение, что ни один сотрудник разведки, а тем более его руководство, не будут планировать столь острую акцию, как захват на своей территории представителей спецслужб противника, не заручившись санкцией на ее осуществление высших государственных инстанций. Учитывая, что на такое согласование требуется много времени, а интерес польской стороны к персоне Фуде нужно было постоянно «подогревать», Абвер «скармливал» ей сведения, представлявшие интерес для польской разведки в рамках оперативной игры, финальным аккордом которой было предложение продать за большую сумму образец противогаса, только что введенного в обращение в Рейхсвере. По воспоминаниям Оскара Райле, поляки были очень заинтересованы в такой покупке³².

В ночь на 25 мая 1930 года комиссар Биеджинский вместе со своим помощником Станиславом Лижкевичем скрытно пересекли германо-польскую границу для встречи с Фуде и его знакомым, предложившим к покупке образец противогаса. В считанные секунды участники захвата ворвались в помещение поста, где находились поляки. Началась стрельба. Раненный в живот Лижкевич через несколько дней умер в немецком госпитале. Биеджинский был захвачен в плен. Один из участников захвата с немецкой стороны Зендер также был тяжело ранен, но выжил.

На следующий день немецкое, как сейчас бы сказали, медийное пространство было «взорвано» новостью номер один. «Ситуация на польской границе невыносима», «Провокация польской разведки», «Убийство на границе» – с такими заголовками на первых страницах вышли номера крупнейших немецких газет.

³⁰ Skóra W. Pomorski epizod. S. 174–175.

³¹ Ibid. S. 178.

³² Райле О. Тайная война: Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). М.: Центрполиграф, 2002. С. 37–38.

Польская сторона, в силу понятных причин, не была заинтересована в освещении данного инцидента. Поэтому первые сообщения польских газет отличались крайней лаконичностью. Так, например, «Республика» в короткой заметке отметила: *«В ночь с 24 на 25 мая около 23.00 на участке границы в Опалене, на правой стороне Вислы, в ходе патрулирования были захвачены два офицера пограничной стражи: подкомиссар Комиссариата повята Гнев Лижкевич и комиссар Биеджиньский.*

Захват произошел на польской пограничной территории в то время, когда офицеры отделились от сопровождавшего их патруля. Похитители открыли огонь, в результате которого, как стало известно, был ранен подкомиссар Лижкевич»³³.

Крупнейшие европейские газеты на него отреагировали в целом спокойно, только упомянув о происшедшем. Другое дело в Германии. На почве информационной шумихи в прессе в обществе развился настоящий психоз. На границе постоянно возникали мелкие инциденты. Командование германской пограничной охраны отдало приказ об усилении охраны границы и немедленном открытии огня в случае обнаружения нарушителей. Например, ловивший рыбу на пограничном озере Ванжинь рыбак Антонин Ольшевский в июне того же года был обстрелян с немецкой стороны.

30 мая 1930 года на пограничном посту в Чойницах трое немцев на глазах польских пограничников перешли границу. Двое вернулись обратно, а один был задержан поляками. На немецкой стороне пограничного поста собралась толпа немцев, которая скандировала обидные для поляков лозунги.

10 июня польские пограничники задержали некоего Францишека Кубацкого, при обыске которого были обнаружены материалы шпионского характера, указывавшие на его участие в операции Абвера по заманиванию Биеджиньского на германскую территорию. Таких случаев в то беспокойное лето было зафиксировано множество³⁴.

По официальной линии между внешнеполитическими ведомствами двух стран последовала полоса взаимных обвинений, сопровождавшихся политическими демаршами. Уже 26 мая польский посол в Берлине Роман Кноль направил в МИД Германии протест по этому эпизоду. По его результатам было принято решение о проведении совместного расследования. Комиссии из представителей польских и германских властей приступили к работе, соответственно, в Гниве и Мариенвердере. Предложенное польской стороной коммюнике состояло из пяти пунктов:

Агент немецкой разведки, сотрудник полиции Бруно Фуде по заданию своих руководителей заманил комиссара Биеджиньского и Лижкевича на германскую территорию.

Подкомиссар Лижкевич в результате завязавшейся схватки был убит, а Биеджиньский арестован. Переход границы был осуществлен при помощи и в сопровождении сотрудника немецкой полиции Штуллиха, использовавшего свое служебное положение для указанных целей.

Провокация немецкой пограничной охраны не была вызвана ни потребностями обороны, ни потребностями охраны государственной тайны.

Польские пограничники не вступали на территорию Германии.

Они были обстреляны на территории Германии.

Видно, что подготовленное польской стороной в спешке и представленное на рассмотрение межгосударственной комиссии коммюнике было исключительно противоречивым.

Из немецкой версии инцидента следовало, что с осени 1929 года польская разведка начала предпринимать меры по получению секретной документации германской пограничной охраны. Чтобы воспрепятствовать таким попыткам, германская сторона согласилась на «мни-

³³ Porwanie dwóch oficerów // Republika, 26.05.30 г.

³⁴ Skóra W. Pomorski epizod. S. 181–182.

мое» сотрудничество. 24 мая Биеджиньский и Лижкевич, вооруженные револьверами и ручными гранатами, нелегально перешли границу и на законное требование властей предъявить документы внезапно открыли огонь. В ходе перестрелки один был убит, а другой ранен.

Биеджиньского после кратковременного лечения в Эльбинге переправили морским путем в тюрьму полицейпрезидиума в Кёнигсберге, откуда в январе 1931 года он был направлен в Берлин, где предстал перед судом военного трибунала. Для оказания помощи польские власти наняли известного адвоката Ашкенази, принимавшего ранее участие в подобных делах. Для освещения перед польским МИД хода судебного процесса и наблюдения за поведением Биеджиньского в Кёнигсберг был направлен сотрудник польского консульства. Это имело большое значение для возможной организации обмена комиссара на арестованных польской контрразведкой немецких агентов³⁵.

Прокурор обвинил Биеджиньского в шпионаже, нелегальном переходе границы, вооруженном сопротивлении и покушении на убийство. Адвокат Ашкенази не смог опровергнуть обвинение в шпионаже, так как при убитом Лижкевиче была обнаружена инструкция по организации разведывательной деятельности в Германии, подписанная псевдонимом «Линдау». В ходе заслушивания Биеджиньский признал, что инструкция написана им, а «Линдау» – его рабочий псевдоним. Выступивший в качестве свидетеля обвинения «эксперт» из Рейхсвера указал, что Биеджиньский давно находился в поле зрения германского Абвера как сотрудник польской разведки.

Польский представитель отмечал, что в целом судебный процесс проходил ровно, несмотря на попытки прокуратуры придать делу «политический оттенок». Поведение Биеджиньского также было оценено положительно, как «рыцарское», не нанесшее ущерб интересам Речи Посполитой. Суд приговорил Биеджиньского к десяти годам тюремного заключения по всем обвинениям, доказанным в ходе процесса. Приговор не подлежал апелляции. Отбывать наказание поляк должен был в тюрьме Лукау (земля Бранденбург).

³⁵ Ibid. S. 185.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.